

Если ты меня обманула, ты покойница. Сы Сянь думала именно так: Цзы Цзюньнин, если ты меня обманула, ты покойница, я обязательно тебя побью, я обязательно забью тебя до смерти. Сы Сянь чувствовала себя так, будто ее окатили ледяной водой. Солнце светило ярко, но тепла она не ощущала — ей было холодно, настолько холодно, что спина покрылась липким потом.

Цзы Цзюньнин мертва? Мертва? Что значит смерть? Это значит, что ты больше никогда не откроешь глаза, больше не осознаешь, что происходит вокруг, не будешь знать ни о том, что тебя радует, ни о том, что причиняет боль. Положив трубку, Сы Сянь почувствовала резкую боль в животе. Она согнулась, придерживая уже заметно округлившийся живот. Прохожий обеспокоенно спросил:

— Девушка, вам плохо?

Хорошо ли ей? Сы Сянь не знала. Коллеги Цзы Цзюньнин сказали, что ее накрыло камнепадом, удар пришелся в голову, она скончалась на месте, поэтому не мучилась. Не мучилась? Да как такое возможно? Цзы Цзюньнин была такой неженкой, как ей могло быть не больно? Она все еще не могла в это поверить. Телефон продолжал вибрировать: знакомые и незнакомые люди спрашивали, правда ли это. Одни знали об их отношениях, другие — нет, но каждый считал, что именно он должен узнать об этом первым.

Когда это случилось? Вчера днем. А что она сама делала вчера днем? Ах да, готовила бумаги на развод, пила кофе со своим адвокатом в ближайшем Старбаксе, празднуя успех. Она позвонила подруге Цзы Цзюньнин, Тан Синь. Голос той дрожал от рыданий. Тан Синь узнала обо всем совсем недавно и, не дав Сы Сянь вымолвить ни слова, начала кричать:

— Это все ты! Все из-за тебя! Если бы ты не заставила ее уехать подальше, она бы не взялась за эту работу, она бы не погибла! Я знала, что рано или поздно она умрет из-за тебя! Почему ты не сдохла вместо нее? Почему это была не ты? Ты испортила ей всю жизнь! Ей было всего тридцать семь, всего тридцать семь лет!

Тан Синь разрыдалась так, что не могла больше говорить. Ее муж, находившийся рядом, извинился перед Сы Сянь и повесил трубку.

Значит, Цзы Цзюньнин, с которой она была связана столько лет, действительно мертва? У Сы Сянь перехватило горло. Неужели правда? Она открыла последнее сообщение, которое прислала Цзы Цзюньнин:

Я уехала в командировку на геологическую разведку ^ _ ^

Ответа не последовало. Она должна была ответить. Сы Сянь чувствовала тяжесть внизу живота, ей следовало написать: Будь осторожна, обходи камни стороной. В глазах потемнело, и посреди шумной улицы Сы Сянь потеряла сознание.

Это сон? Наверное, сон. Ей приснилось, что Цзы Цзюньнин мертва. Как такое возможно? Она была такой живой. Вокруг сгустилась беспросветная тьма, и в ней она увидела Цзы Цзюньнин. Та махала ей рукой в своей несуразной школьной форме, а теплый ветер развеивал ее длинные волосы. Привет, я Цзы Цзюньнин, я знала, что нам по пути домой. Она видела Цзы Цзюньнин в

день поступления в университет, как та подбежала к ней, схватила за руки и затрясла: Как здорово, мы будем учиться в одном университете! Видела, как та оставляла записку в кафе для влюбленных на Западной улице. Что она там писала? Улыбалась так нежно. Сы Сянь спросила, а та смутилась: Не подглядывай! В год миллениума, когда из каждого окна звучала песня Чэнь Мин Жду, когда ты полюбишь меня, соседки по общежитию купили радиоприемник и крутили эту песню. Тогда она поцеловала Цзы Цзюньнин, и все завертелось. Она помнила, что была осень, а южная жара в это время года была знаменита. Она оставила на молодом теле Цзы Цзюньнин неуклюжие следы своей страсти. Цзы Цзюньнин была молчаливой, даже в постели. Как бы грубо Сы Сянь ни вела себя, та лишь хмурилась. Спустя долгое время она поняла, что Цзы Цзюньнин было больно. Она не была бесчувственной — ей действительно было больно.

Очнувшись, она увидела обеспокоенное лицо господина Чжана. Заметив, что пальцы Сы Сянь дрогнули, он взял стакан воды и помог ей приподняться:

— Ты в порядке? Как тебя угораздило получить тепловой удар?

Сы Сянь взяла стакан и слабо пригубила воду.

— Где Цзюньнин?

Господин Чжан замялся. Сы Сянь сжала стакан в руках. О, значит, это был не сон. Цзы Цзюньнин мертва.

Родители Цзы Цзюньнин были интеллигентами старой закалки, пережили немало бед в те времена: ссылки, порицания, жизнь в хлеву. Они родили Цзюньнин лишь к тридцати годам и души в ней не чаяли. Узнав о несчастье, старики, хватаясь за сердце, бросились в путь, но, увидев тело дочери, упали без чувств — у них обострились хронические болезни сердца. Тан Синь, университетская подруга и близкая приятельница Цзюньнин, взяла на себя организацию похорон вместе с двоюродными братьями и сестрами покойной. У Тан Синь было лишь одно требование: Сы Сянь не должна переступить порог траурного зала.

— Тан Синь, Цзюньнин... она ведь тоже хотела бы видеть Сы Сянь, — Сюй Мэй, университетская подруга, вытирая слезы, всхлипнула. — Ты хочешь, чтобы она ушла... не обретя покоя?

Глаза Тан Синь покраснели и опухли.

— Это все из-за тебя! Если бы ты тогда не закрывала глаза на их отношения, с Сяо Нин ничего бы не случилось!

— Хотя Сы Сянь ведет себя неподобающе, в этом ее винить нельзя. Это стихийное бедствие, — сказала Фан Яньнань, еще одна их общая подруга, у которой глаза тоже были красными от слез.

— В этом спорить со мной не нужно! Да, я веду себя грубо и несправедливо!

— Нужно ли говорить Сы Сянь? Под Цзюньнин нашли камни, на которых был выцарапан иероглиф Лук... Судмедэксперт сказал, что при таких тяжелых травмах она должна была скончаться мгновенно... Как же сильно нужно было любить, чтобы найти в себе силы писать... — Хань Мэй не договорила и снова разрыдалась. — Как же так... Ей было всего тридцать семь... Разве не говорили, что Сы Сянь хочет развестись? Цзюньнин ведь почти дождалась своего часа...

Фан Яньнань вздрогнула и тоже заплакала.

— Давайте перестанем. Слезами горю не поможешь, пусть Цзюньнин упокоится с миром.

— Скажем! Эта проклятая женщина должна чувствовать вину! Она должна помнить Цзюньнин всю свою жизнь!

Тело Цзы Цзюньнин, облаченное в погребальные одежды, бережно уложили в гроб. Поначалу оно было изувечено, десятки переломов, но после того, как его обмыли, лицо, хоть и пострадало с левой стороны, не выглядело пугающим. Правая щека казалась такой безмятежной и мягкой, хотя была в синяках, грудная клетка запала из-за переломов. В конце концов, перед тем как гроб заколотили, Сы Сянь позволили увидеть ее в последний раз. Фан Яньнань вывела всех из зала и встала на страже у дверей. Траурные флаги хлопали на вечернем ветру. Сы Сянь, придерживая живот, смотрела на Цзы Цзюньнин. До самой последней минуты она отказывалась верить в то, что та мертва. Лицо и тело, которые она так любила, больше никогда не выразят никаких чувств. Она протянула руку и коснулась руки Цзы Цзюньнин, едва касаясь, боясь сломать ее хрупкие кости.

— Сяо Нин?

Цзы Цзюньнин не ответила.

— Срок родов уже известен, я придумала имя. Давай назовем ее Цзюньнин, хорошо? — Сы Сянь взяла кольцо, лежавшее рядом с рукой Цзы Цзюньнин. Любимые вещи хозяина должны быть погребены вместе с ним. — Ты его сохранила... А я даже забыла подарить тебе кольцо с бриллиантом. У меня тогда не было денег. Прости, я правда забыла.

Фан Яньнань, с трудом сдерживая рыдания, отвернулась. Она никогда не видела Сы Сянь такой — слабой, безжизненной. Сегодня днем она видела, как та стояла посреди дороги, совершенно растерянная. Тан Синь не пускала ее в зал, говоря, что гороскоп Сы Сянь несовместим с часом отпевания Цзюньнин. Она, как и Тан Синь, не любила Сы Сянь — слишком высокомерная, слишком самовлюбленная. Держала Цзюньнин на привязи всю жизнь, не давая никаких обещаний. Но разве после такого Цзюньнин сможет уйти спокойно? Человек, о котором она думала даже перед смертью, был вот так отторгнут.

— Эти дни я провела ужасно. Никогда еще мне не было так плохо. Тебе не стоило так баловать меня, ты меня совсем разбаловала.

— Сяо Нин, я скучаю. Говорят, что, когда любимый человек уходит, чувствуешь это. Почему я

не почувствовала ничего в тот день? Ты не хотела, чтобы я знала?

— Сяо Нин, ты ни за что не согласишься, но теперь я чувствую, что не смогу вынести жизнь без тебя. Почему я не поняла этого раньше? Хотя на капельку раньше, и я бы не потеряла тебя.

— Врачи говорят, что мне нельзя расстраиваться, это вредно для ребенка. Я буду беречь себя и рожу его. Ты говорила, что будешь любить его как своего. Ты меня обманула. Если бы правда любила, как бы ты позволила мне воспитывать ее одной? Я не была хорошей возлюбленной и не стану хорошей матерью. Кстати, это девочка. Если бы ты ее учила, она выросла бы такой же спокойной и нежной, как ты... Жаль, что ей не суждено. Мне тоже.

Сы Сянь продолжала бормотать, и слезы падали на гроб.

— Цзы Цзюньнин, ну почему ты такая дура? Я сказала тебе уходить, и ты правда ушла?

— Уходи, если хочешь. Уходи туда, где я не смогу тебя найти. Я не буду тебя помнить. Завтра, послезавтра, через день — я забуду тебя, вычеркну из своей жизни навсегда.

Губы Цзы Цзюньнин потрескались, верхняя губа была чуть приподнята, словно она обиженно надулась. Сы Сянь нежно погладила ее по переносице.

— Я вру. Как я могу тебя забыть?

<http://bllate.org/book/21764/2250598>